

Максимович Желько

ЯЗЫЧНИК

НЕМУШТЫЙ ЯЗЫК

Желько Максимович

Язычник, Немуштый язык

<https://litres.ru/74141369>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сердце Лужицких лесов, где христианский крест ещё не заглушил голос древней земли, рыцарь Дитрих фон Бранденбург ведёт отряд крестоносцев, чтобы уничтожить последнее языческое святилище. Он уверен: его меч и вера — это оружие Бога.

Но лес отвечает.

Из чаши выходит женщина, чьё имя шепчут только корни и волки. Она не поднимает оружия. Она говорит на Немуштом языке — языке, который понимают деревья, звери и сама земля. И в тот миг, когда её голос касается разума Дитриха, мир рыцаря раскалывается.

То, что должно было стать победой, превращается в казнь. То, что должно было стать смертью, становится рождением.

Дитрих возвращается в монастырь не победителем и не безумцем. Он возвращается проводником. В его крови теперь течёт Немуштый язык. В его глазах — золотые зрачки Бабы Стрыги. В его устах — слова, которые способны изменить не только одного человека, но и целую эпоху.

Желько Максимович

Язычник, Немуштый язык

Глава 1. Явление в лесу

Рыцарь Дитрих прибыл в монастырь Святого Бенедикта в сумерках осеннего дня, когда свет уходит из мира медленно, как отступающее войско. Брат Герман, постарев от долгих лет переписывания текстов, узнал его сначала по звуку: пронзительный ржание лошади, сбившейся с темпа, потом — голос, который кричал, но не команду, а просьбу, какую-то невразумительную просьбу о писце, о чернилах, о ком-то, кто запишет то, что брата Дитриха уже начало разрываться изнутри.

Когда монах вышел на крыльцо, он увидел фигуру, которую можно было принять за привидение. Не привидение смерти — привидение жизни, разорванное жизнью на части. Доспехи рыцаря были расцарапаны кровью и какой-то чёрной грязью, которая, как позднее заметил брат-врач Мартин, не смывалась обычной водой и пахла одновременно болотом, землёй и чем-то более древним, чем земля. Кольчуга под латой была разодрана в десятках мест. Левый рукав облегал руку лишь лоскутом ткани. Лицо Дитриха было покры-

то ранами — не от мечей, а от чего-то более изощренного: параллельные полосы, как если бы когти большого животного проходили по лицу вверх, вниз, вкось, оставляя после себя мясо вместо кожи.

Но живых был его взгляд. Неподвижный, застывший, как ледяная вода.

-Писец, — повторил Дитрих, — писец здесь? Монах, ты писец? Хорошо. Ты пишешь? - Его голос был трещащим, как засохшая ива на ветру. -Запишешь всё. Всё до конца. Пока я ещё помню. Пока слова ещё мои-.

Брат Герман, чувствуя в душе первые предчувствия чего-то необратимого, кивнул и повёл рыцаря внутрь. Брат Мартин хотел дать ему отвара валерианы и мёда, покоя, чистых бинтов. Но Дитрих отказывался. Он сидел в спальне монастыря, неподвижно, и смотрел на открытое окно, в сторону леса, который прижимался к стенам монастыря чёрным телом. На закате лес казался не растением, а животным, живым, дышащим, ждущим.

-Начни писать, — сказал Дитрих. — Запишешь мне жизнь, монах? Последнюю жизнь, которую я проживу как человек? -

Брат Герман подготовил свои инструменты. Перо. Чернила. Пергамент, щедро отпущенный аббатом после того, как тот увидел состояние гостя. И начал писать.

-Мы входили в лес на рассвете, — начал Дитрих, и его голос обрёл какую-то странную отстранённость, как если бы он рассказывал не о своём опыте, а о чём-то, прочитанном в давно забытой книге. — Ровно пятьдесят рыцарей. Я вёл их лично. Мы пели гимны, и кони шагали в такт нашим голосам. Я помню это очень ясно, брат Герман. Помню, как хорошо звучал наш хор в лесу. Мне казалось — и это казалось мне знаком Божьего благоволения — что сама земля внимает нашим молитвам. Что леса, деревья, животные, всё это безмолвное творение слышит и склоняется перед Крестом.

Мы знали, где находится их святилище. Есть такое место глубже в лесу, куда ходят язычники на их чёрные обряды. Святилище Арконы, они его называют. Волхвы там собираются. Берут животных. Режут их, пьют кровь. Совокупляются с женщинами на алтаре. Это дикость, брат. Это то, что Господь велел нам истребить. И мы шли в этот лес не с алчностью завоевателя, а с праведностью воина Христова.

Мы шли туда, чтобы спасти их. Даже если спасение приходит мечом-.

Дитрих замолчал. Брат Герман продолжал писать, хотя чувствовал, что его рука дрожит. Откуда-то из глубины монастыря доносился звон колокола к вечерней молитве. Звук казался очень далёким.

-Святилище было пусто, — продолжил Дитрих. — Это прежде всего поразило меня. Пятьдесят вооружённых рыцарей вошли в их священное место, и там не было ни единого защитника. Были ли они такие трусы? Или они знали? - Его глаза мигнули. Первый раз. -Я полагал, что они знали. Что они испугались нашей веры. Что они видели мощь Креста и разбежались, подобно крысам перед лицом охотника.

Мы разорили святилище. Мы сломали их идолов — сделанных из дерева, примитивных, безобразных. Мы сожгли их священные тексты, их рукописи, их знаки. Огонь горел красиво. Я помню, как красиво горел их прошлое-.

Он замолчал снова. На этот раз молчание было дольше. Брат Герман услышал, как Дитрих дышит — тяжело, с перебойми, как больной астмой.

-Когда святилище было уничтожено, мы встали с намерением возвращаться. Было уже полдень. Мы сделали то, ради чего пришли. Я приказал рыцарям встать в строй. Мы готовились к марше-.

Дитрих встал со своего места. Брат Герман почувствовал, что рыцарь только сейчас начинает рассказывать правду. Его голос изменился. Стал ниже. Холоднее.

-Из леса вышла женщина-.

Брат Герман перестал писать. Его перо зависло в воздухе.

-Из леса, — повторил Дитрих, — не из церемониального входа, не из дороги, которой мы пришли, а из самого леса. Деревья расступились, и она вышла. Молодая. Нет, не молодая. Это неправильное слово. Её возраст нельзя было определить. В её лице было что-то древнее, что-то, что помнило все войны, все голода, все смерти, которые когда-либо происходили в этом лесу. Но тело её было молодым. Почти обнажённым. На ней была только какая-то длинная полотняная туника, пронизанная дырами, как рыболовная сеть. Через дыры видна была её белая кожа. Кожа, как берёза. Светящаяся в тускло-зеленом свете полдневного леса.

Волосы чёрные. Чёрные, как грозовая туча перед самым сильным дождём. Чёрные, как земля в болоте. Волосы её развевались без ветра — ветра не было, но волосы двигались, как если бы они имели собственную жизнь, собственную волю-.

Дитрих подошёл к окну. Там, внизу, уже сгущались сумерки. Лес становился чёрным.

-Я приказал выстроиться в боевой порядок, — сказал он. — Я не боялся. Одна женщина — какой вред она может причинить? Я видел, как мои рыцари усмехались. Они думали о славе, которую они получают, убив ведьму. О том, как расскажут об этом в своих замках. О том, как королевский герольд будет вещать их имена-.

Его голос стал совсем тихим.

-Потом она начала издавать звуки-.

Брат Герман ощутил, как в комнате становится холоднее. Хотя стена напротив окна казалась всё так же золотой от последних отблесков солнца.

-Не слова, брат. Я слышал много языков — немецкий, русский, латынь, греческий. Я был в Константинополе. Я слышал турецкие молитвы, еврейские песни. Но это не было языком людей. Это был звук, который рождается не в горле, а из самой земли. Скрежет, как если бы миллионы насекомых одновременно издавали голос. Щebet птиц. Щелчки, которые издают волки перед охотой. Вои, которые слышны

в глубине пещер. Все эти звуки сплелись в один голос, и этот голос... брат, этот голос был прекрасен. Ужасен, но прекрасен.

Я спросил позднее — это был Немужный язык. Язык, который понимают деревья, животные, земля, вода. Язык, который люди забыли, когда Бог дал нам речь. Язык, который остался в стороне от человечества, ждущий, когда мы его выслушаем. Или, когда он нас выслушает-.

Дитрих прикрыл глаза.

-Я видел, как вверху начали двигаться ветки. Медленно. Нет, не медленно. Слишком быстро, чтобы человеческий глаз мог проследить. Дубовые ветви спускались вниз, как щупальца, как живые руки. Не метафорически, брат. Я не пытаюсь украсить рассказ. Они были живыми. Они хватали моих людей как руки охотника хватают кроликов.

Первым был Готхард. Толстый парень из Бранденбурга, громко смеялся, любил вино. Ветвь прошла сквозь его забрало, через глаз, через мозг, и вышла с другой стороны. Кровь брызнула на тех, кто стоял рядом. Вся голова Готхарда вывернулась назад — вывернулась буквально, сломав позвоночник. Он упал, уже мёртвый, и даже тогда его тело было разорвано на части-.

Голос Дитриха был совершенно без эмоционален. Это было страшнее, чем любой крик.

-Мы начали рубить мечами. Мечи были хорошие, закалённые. Но деревья не кровоточили. Они просто отрастали. Мы отрубали ветвь — и из того же места выростала новая, ещё более массивная. Я видел, как Фридрих, мой лучший боевой товарищ, рубил в панике, кровь текла по его лицу, он вопил, что это работа дьявола, что это адское творение.

Волки вышли из леса. Целая стая. Я считал головы — двадцать три волка. Их шкуры были серебристые, их глаза светились жёлтым, и в этих глазах было разумение. Животное разумение. Они смотрели на нас, как полководец смотрит на карту своего противника. Они вычислили расстояния. Они определили слабых-.

Брат Герман дописал несколько строк, потом опустил перо.

-Сир Дитрих, может быть, вам нужен отдых? Может быть, завтра...-

-Нет, — перебил его рыцарь, не поворачивая головы. — Завтра я не помню. Завтра слова будут другие. Её голос в

моей голове становится громче каждый час. Я должен рассказать сегодня, пока я ещё знаю, где кончается моя память и начинается её-.

Брат Герман вернулся к письму.

-Швайцер попытался убить волка в открытом бою. Швайцер был сильнейшим из нас. Я видел, как он один одолел четырёх человек в турнире. Он поднял меч и атаковал медведя — да, в какой-то момент вышел медведь, огромный, серебристый, с глазами, полными человеческой скорби. Швайцер рубил мечом, кричал, боролся. Медведь не спешил. Он дождался момента, когда Швайцер выпустит удар, и тогда просто взмахнул лапой. Одна лапа. Брат, его меч и половина его тела остались на одной стороне, а остаток упал на другую.

Остальных волки просто разорвали. Это было охотой. Чистой охотой. Мы были добычей-.

Дитрих повернулся к окну и прижался лбом к стеклу. На улице совсем потемнело.

-Я бежал. Позор, да. Рыцарь бежит с поля боя. Бежит от одной женщины и стаи зверей. Бежит, пока его товарищи падают позади, пока их кровь пропитывает мох, пока их крики становятся всё тише. Я кричал молитвы, брат. Я звал Иисуса

Христа. Я молился Деве Марии. Я проклинал тьму. Но тьма слышала меня и смеялась.

Когда я скакал в лес, я почувствовал жжение-

Он развернулся резко. Брат Герман вздрогнул.

-Жжение везде. В доспехах, под доспехами, на коже, в крови. Я подумал, что горю. Что огонь, который я зажёл в их святилище, каким-то образом прошёл по лесу и настиг меня. Я спрыгнул с коня и начал срывать доспехи.

Это были муравьи. Красные, величиной с мой ноготь, с челюстями как клещи. Они заползли под кольчугу, в щели шлема, в сапоги. Они были везде. И все они действовали как одно целое. Как армия под командованием единого полководца.

Я срывал с себя одежду, и муравьи продолжали кусать. Кусали в лицо, в глаза, в горло. Я размахивал руками, я прыгал, я вопил. Но они продолжали. И я понимал — они не просто нападают. Они наказывают. Они мстят за то, что я сделал. За святилище. За огонь. За презрение.

Я раздёрнутый, в крови, со слизью, в панике, продолжал скакать. Лес был бесконечным. Дорога исчезла. Были только

деревья, были только болото, был только её голос. Её голос везде. Из земли. Из корней. Из самого воздуха.

Её голос — Немущый язык — начал формировать в моей голове смысл. Я начал его понимать. Не умом — душой. Каждый звук был проклятием. Каждый щебет — приказ животным продолжать охоту. Каждый вой — это была сама смерть, дыхание ада, приближающееся ближе с каждым моим шагом-.

Дитрих сел обратно на кровать. Его руки дрожали.

-Я бежал три дня. Или три часа. Время было разорвано, как всё остальное. В какой-то момент я упал в болото. В чёрную воду, которая пахла смертью. И я лежал там, зная, что умираю. Ожидая смерти. И она вышла из воды.

Из самого болота вышла она-.

Брат Герман положил перо. Его рука дрожала так, что буквы получались неровные. Он был монахом тридцать лет. Он переписывал житие святых, молитвы, богословские трактаты. Но ничего из того, что он писал, не звучало столь реально. Столь невозможно.

-Её волосы развевались в воде, как водоросли. Её кожа

светилась — светилась! — в полутьме болота. Она шла по воде, и вода светилась под её ногами. Позади её остаются цветы, брат. Цветы Морены. Цветы, которые растут над утопленниками. Я знал, что они означают. Они означали, что я смотрю на свою могилу, предварительно расцветшую, раскрывшуюся в ожидании моего тела.

И она обернулась. И я увидел её лицо-.

Дитрих закрыл глаза.

-Её лицо было самым прекрасным, что я когда-либо видел. И самым страшным. Её глаза были золотистые, с зрачками, как у хищной птицы. В них была такая грусть, брат, такая скорбь... они помнили все войны, которые когда-либо велись на этой земле. Они помнили кровь. Они знали боль. Её лицо было молодым, но в нём была мудрость тысяч лет. Кожа белая, как берёза, светящаяся. На лбу три чёрные точки-.

Он открыл глаза и посмотрел на монаха.

-Три точки. Это печать богини. Печать Деваны. Святая грамота того, что я слышал, что я видел, что я больше никогда не смогу забыть-.

Брат Герман понял в этот момент, что рыцарь Дитрих никогда уже не вернётся из этого леса полностью. Часть его осталась там. И другая часть, совсем иная, вернулась в его место.

-Она улыбнулась мне, — закончил Дитрих, — и я понял всю правду в одно мгновение. Я понял, что это не она атаковала нас. Это мы атаковали её. Это мы были врагами. Это мы пришли с мечом в её священный дом. И она просто защищала то, что ей принадлежало.

И я больше не мог быть тем, кем я был-.

Брат Герман вернулся к письму. Его руки больше не дрожали. Он писал уже не летопись войны, а летопись трансформации. Смерть одного человека и рождение чего-то совсем иного.

На улице, в лесу за стеной монастыря, ветер начал трепать ветки. И в этом шелесте брат Герман вдруг услышал что-то, похожее на голос. Древний голос. Голос, который помнил эту землю задолго до того, как были построены монастыри. Голос, который ждал.

Голос, который теперь, может быть, слышал и сам.

Но он продолжал писать. Потому что слова — это единственный способ, которым люди могут попытаться удержать то, что их превосходит.

Глава 2. Голос природы

Она не касалась их руками. Брат Герман, слушая рассказ Дитриха на третий день его пребывания, поражался именно этому. Она не нужна была как боец. Она была чем-то совсем другим — проводником, каналом, через который говорила сама земля. И земля эта отказывалась быть молчаливой.

Дитрих сидел в чистой монастырской комнате, уже перебинтованный, уже умытый, но его тело ещё дрожало от внутреннего холода, который не могла разогреть ни одна монастырская печь. Брат Герман заметил, что рыцарь не смотрит в глаза. Смотрит в сторону окна, туда, где синел лес, тяжёлый, молчаливый, но живой.

-Когда она вышла из святилища на поле, она не кричала, — продолжал Дитрих тихо. — Она просто начала издавать звуки. Если это можно назвать пением. Это был скрежет, щебет, вой, щелчок — всё сразу, но слаженно. Как если бы все голоса леса — ворон, волка, медведя, даже муравьёв, даже комаров — выражали одну волю через один рот.

Я помню, как мои люди начали оглядываться. Впервые. Впервые за всю кампанию я видел в их глазах не боевую готовность, а вопрос. -Что это? - — спрашивали они глазами. И я не знал, что ответить-.

Он помолчал. Монах писал, пытаясь не пропустить ни одного слова, ни одной паузы. Потому что паузы — это тоже часть истории. Паузы — это места, где ломается психика.

-Медведь вышел из лесу первым. Огромный. Я служил в Венгрии, я видел медведей, но этот был другой. Его шерсть была серебристой, почти белой, как ртуть. Его движения были спокойны, расчётливы. Когда хищник охотится, в нём есть определённая торопливость, даже если охота длится часы. Инстинктивная напряжённость. Но этот медведь двигался, как воин, который уже знает результат боя.

Его глаза, брат. Его глаза были жёлтые, и в них было разумение. Я не говорю о животном разуме. Я говорю о человеческом разумении. О способности предвидеть. О способности вычислять. Я видел, как этот медведь смотрел на мой отряд, как его взгляд скользил по каждому человеку, как он определял расстояния, позиции, слабые места в нашей боевой линии.

Это был полководец. А мы — его добыча-.

Брат Герман почувствовал, как ладонь его вспотела. Он положил перо и вытер пот об одежду.

-Волки вышли справа. Я считал головы — двадцать два, двадцать три... Я потерял счёт. Их было столько. Они двигались не как стая, которая просто нападает — они двигались линией. Боевой линией. Они оставляли промежутки в три-четыре шага друг от друга, достаточные для того, чтобы я видел их всех, достаточно близко, чтобы атаковать одновременно.

Справа появились кабаны. Штук двенадцать, может быть, пятнадцать. Клыки у них торчали как копья. Они приседали низко, готовясь к атаке подкопом — так кабаны атакуют, когда видят врага. Только обычно кабан атакует одного противника, одного охотника. Здесь каждый знал свою цель. Каждый знал, на кого нападать.

И птицы. Боже всемогущий. Птицы летели ниже — вороны, коршуны, орлы. Когда вороны нападают, они летят в лицо. Они клюют глаза. Они клюют горло. Я видел разрубленного наголо ворона после боя, и в его железной смелости была уже не инстинкт, а расчёт.

Она стояла посередине и пела. Или командовала. Пение и

командование были одним и тем же-.

Дитрих встал. Брат Герман отметил, что рыцарь может встать и не может. Его тело совершает движения с какой-то неуверенностью, как если бы мышцы забыли, как они функционируют.

-Мои люди паниковали, — сказал Дитрих. — Я видел это в их глазах. Я видел это в том, как они сжимали мечи. Рыцари, брат. Люди, которые обучались боевому искусству с детства. Люди, которые смотрели в лицо смерти и смеялись. И они... они вдруг стали детьми. Они закричали. Не боевые клики. Просто крики страха.

Я попытался восстановить порядок. Я кричал команды. Я напоминал им о Боге. Я говорил, что это животные, что это просто плоть, что они могут быть убиты обычной сталью. Но они не слушали. Потому что они видели то же, что видел я. Они видели, что эти животные не обычные. Они видели разумение в глазах медведя, в движениях волков, в построении кабанов.

Они видели войну, а не охоту.

Швайцер был одним из тех, кто попытался бороться. Швайцер из Нюрнберга, самый сильный человек, которого

я когда-либо видел. Я видел, как он одной рукой поднимал члена коня. Мышцы у него были как камень. Он был тем, на кого смотрели остальные, когда нужна была надежда.

Он поднял копьё и кинулся на медведя-.

Дитрих прошелся к окну. Его силуэт стал чёрным против серого света осеннего дня.

-Атака Швайцера была правильной. Копьё — самое длинное оружие. Медведь не может достать тебя, если ты держишь копьё на расстоянии вытянутой руки. Я видел, как убивают медведей копьём. Копьё проходит между рёбрами, достигает сердца, животное умирает почти мирно.

Швайцер был хорошим копейщиком. Его атака была четкая, точная. Копьё ударило в медведя в левый бок, чуть выше сердца. Я видел, как острие прошло сквозь шкуру, как кровь брызнула. Я подумал — хорошо, хорошо, мы ещё можем выиграть это.

Медведь не замедлился. Медведь не упал. Медведь просто развернулся.

Развернулся и взмахнул лапой.

Один взмах. Одна лапа. Длинная, с когтями, как железные крюки. Когда эта лапа встретила с телом Швейцера, я услышал звук. Звук, похожий на звук, когда срубают дерево. Хруст дерева, когда оно падает. Вот такой звук издало тело Швейцера, когда лапа прошла сквозь него.

Шлем Швейцера с его головой отлетел примерно на двадцать футов. Его тело упало на противоположную сторону. Он был ещё живым в момент падения — я видел, как его тело пыталось двигаться, как конечности подёргивались. Но живым он был недолго.

Волки уже бежали к нему. Когда первый волк коснулся его плоти, Швейцер издал звук. Не крик боли. Больше он ничего чувствовать не мог. Это был просто звук — последний звук, который издало его тело перед тем, как быть полностью разорванным на части.

Это произошло за четыре удара волчьих челюстей. Четыре удара — и от Швейцера остались только лохмотья и кровь-.

Брат Герман заметил, что у Дитриха дрожит рука. Дрожит от спокойствия рассказчика, а не от эмоции. Как будто рассказывает что-то, что уже произошло так давно, что боль превратилась в знание.

-После Швайцера — это произошло быстро, очень быстро, брат. Мы потеряли построение. Люди начали бежать в разные стороны. Некоторые пытались атаковать животных поодиночке. Это была ошибка. Животные охотились командой.

Я видел, как два волка тащили за ноги рыцаря — кажется, это был молодой Готхард, племянник герцога. Два волка тащили его в землю, а три других уже прыгали на его спину, кусали в шею. Он боролся, он кричал, его меч работал, но он не мог развернуться, потому что его тело было уже разрывалось. Когда вены разрываются, брат, люди очень быстро теряют сознание. Готхард потерял сознание, кажется, через минуту. После этого волки просто доедали.

Кабаны атаковали тех, кто пытался прыгнуть на коней. Кабан может разрезать живот человека одним движением. Я видел рыцаря по имени Бергер — он сидел на коне, пытался уехать, а кабан просто подскочил, прошёл под конём, и его клык вошёл в живот Бергера снизу. Живот вскрылся. Кишки вывалились. Берг упал и скрючился на земле в луже собственного содержимого, и кабан продолжал его резать, как если бы проверял, что достаточно.

Дитрих повернулся от окна. Его лицо было серым, исца-

рапанным, но глаза — глаза были живыми, очень живыми, слишком живыми.

-Птицы — это было худшее, брат. Птицы летели в лица. Когда ворона клюёт в глаз, боль настолько велика, что человек теряет способность видеть. Слепого человека легче убить. Два моих солдата были ослеплены воронами прежде, чем волки их достали.

Коршуны целились в горло. Одного рыцаря коршун атаковал прямо в сонную артерию. Он упал, вытекая кровью, и кричал, кричал, потому что знал, что умирает, но не может ничего сделать.

И орлы — орлы брали за голову. За волосы. Они поднимали людей, поднимали на несколько футов в воздух, и потом бросали. Когда человек падает с пятифутовой высоты на скалистую землю, его позвоночник ломается. Я видел, как один парень упал и не смог двигать ногами. Он лежал там, полностью парализован, и смотрел, как к нему приближаются волки. И ничего не мог сделать. Ничего-.

Монах перестал писать. Его рука онемела.

-Я считал время, — продолжал Дитрих. — Я считал, сколько пятьдесят вооружённых рыцарей продержались про-

тив этой армии животных. Угадай, брат. Сколько времени пятьдесят обученных, вооружённых, готовых к смерти воинов сопротивлялись?

Четыре минуты. Четыре минуты. Может быть, пять. Я потерял счёт. Но я знаю, что это не было долго. Это было быстро. Страшно быстро. Как если бы вся наша боевая подготовка, вся наша вера в своё оружие, вся наша уверенность в превосходстве — всё это было просто игрой, в которой мы притворялись, что мы воины, пока на самом деле мы были просто человечинкой на отрубку-.

Дитрих сел на кровать. Его дыхание было неровным, как после боя.

-Когда я понял, что это конец, я сделал единственное разумное — я повернул коня и скакал. Это было трусостью, да. Рыцарь должен умереть с честью на поле боя, рядом со своими людьми. Но я не мог умереть. Я не мог закрыть глаза и оставить это позади. Я должен был бежать.

Позади слышны были крики. Тысячи криков. Крики боли, крики ужаса, крики людей, которые умирали и знали, что умирают. Крики, которые разрывали воздух, которые даже сейчас, в тишине монастыря, звучат в моих ушах.

И её голос. Её голос продолжал звучать, становясь всё выше, всё более резким, как если бы она была не просто командующей, но и торжествующей. Её голос был триумфом. Торжеством природы над человеческой гордыней.

Я скакал в лес, от которого мы пришли, надеясь, что там смогу спрятаться, что лес будет запутан, что я смогу потеряться, что животные потеряют мой след. Я был дурак. Я не понимал, что лес — это не место, куда я убегаю. Это место, из которого я никогда не выберусь полностью-.

Брат Герман вернулся к письму. Его рука дрожала, но он писал.

-Я был неправ в одном, — закончил Дитрих. — Я думал, что я выживу. Я думал, что если я достаточно быстро скачу, если я достаточно громко кричу молитвы, я смогу выжить.

Но я не выжил, брат. Я умер. Дитрих рыцарь, человек, который вошёл в этот лес, умер четыре дня назад, когда он услышал её голос.

То, что вернулось в монастырь — это то, что осталось после смерти. То, что не может быть убито обычной смертью, потому что оно уже мертво.

То, что она сделала со мной в этом лесу, брат — это не насилие. Это пробуждение. Это открытие глаз на то, что я был слеп всю свою жизнь-.

Монах писал дальше, потому что альтернативы не было. Писал, потому что слова — это единственное, что может удержать то, что превосходит понимание. Писал, потому что в его письме теперь жил голос той женщины, голос, который не смог услышать ни один из пятидесяти рыцарей, пока они были живы.

За стеной монастыря лес шелестел.

И в этом шелесте слышалась музыка.

Глава 3. Муравьи

Из дневника брата Германа

Первую ночь я не спал совсем. Не по долгу обета бодрствования, хотя и Устав позволял бы мне молиться по часам, стоя на коленях до рассвета. Нет — я не спал, потому что звуки, издаваемые Дитрихом в соседней келье, не оставляли иного выбора.

Это было не совсем похоже на крики безумца. Безумец

кричит от боли или страха, и его голос в какой-то момент изнашивается, охрипает, умирает в горле. Дитрих же издавал звуки, которые казались исходящими из тела помимо его воли, как если бы горло его стало инструментом, на котором играет невидимая рука. Сначала это был визг — острый, пронзительный, почти животный. Потом вой, похожий на волчий, но неправильный, с какими-то человеческими интонациями, которые делали его ещё более невыносимым.

Я прошёл в его келью на третьем часу ночи, зажав в руке свечу так, чтобы вода не капала на пол. Брат Станислав, молодой монах с круглым, простодушным лицом, уже здесь был — он сидел на полу, держа Дитриха за плечи. Рыцарь дёргался с такой силой, что, казалось, сейчас вырвется и кинется в окно. За спиной у Станислава была кровь. Дитрих расцарапал его через полотно туники.

-Он говорит, что видит их-, — сказал Станислав, и голос его дрожал. — -Видит здесь, в комнате. Просит, чтобы я помог ему их избить. Когда я отказываюсь, кусает. Брат Герман, это одержимость. Это точно одержимость-.

Я велел Станиславу принести верёвки из подвала. Не железные цепи — таких мы хранили для заключённых в случае крайней необходимости — а мягкие, льняные верёвки, которыми обычно связывали дрова. Когда Станислав вернул-

ся, Дитрих уже потерял сознание, упав головой на подушку, которую я положил под его тело, ожидая судорог. Его дыхание было прерывистым, болезненным. Под закрытыми веками быстро двигались зрачки.

Я дал ему в рот щепотку мяты — травы, которую посоветовал аббат перед моим уходом из трав завода. -Мята успокаивает-, — сказал он. — -И помни, брат Герман, если это демон, то никакая трава его не спасёт. Если это человеческая болезнь, то трава — помощь Господня-. Аббат имел обыкновение говорить двусмысленно, давая себе выход из любой ситуации.

Я сидел с Дитрихом до рассвета, наблюдая, как его тело работает против самого себя. Его кожа была холодной, словно он уже был мертвецом, но при этом обливался потом. На шее выступили жилы. Ногти его, длинные и жёлтые, вросли глубоко в ладони. Когда я попытался разжать его кулак, он проснулся с диким криком.

-Не держи меня! - — закричал он мне в лицо. — -Отпусти!
Они жгут! Они жгут изнутри! -

Его глаза были расширены настолько, что я с трудом различал радужку. Белки были налиты кровью. Когда я поднёс к его лицу свечу, он зажмурился, и из глаз покатались слёзы.

— Это свет человека-, — прошептал он. — -Человеческий свет. Он не помогает. Они видят в нём врага-.

Я попросил воды. Станислав принёс кубок, и я напоил Дитриха медленно, позволяя ему сделать несколько глотков, потом отдых. Вода была холодная, из Студенца, и на мгновение его глаза сфокусировались. Он посмотрел на меня, и в этот миг я увидел в нём не рыцаря, не безумца, а животное, пойманное в капкан.

-Брат Герман-, — сказал он, и его голос был ужасающе тихий. — -Я помню. Я ещё помню, кто я. Это самое страшное. Если бы я совсем потерялся в безумии, было бы легче. Но я вижу, что со мной происходит. И я не могу это остановить-.

Я не знал, что ответить. В нашем монастыре учили, что одержимый всегда теряет самосознание, что демон полностью подчиняет себе тело. Но Дитрих сохранял какую-то часть себя, какую-то тонкую нить сознания, которая позволяла ему наблюдать за своей собственной деградацией. Это было, возможно, ещё более мучительно.

На четвёртый день, когда его тело слегка успокоилось и он согласился лежать в кровати без верёвок, я попросил у аббата дозволение дать ему чай из маков. Аббат колебался.

— Это может помочь ему забыть-, — сказал я. — -Или оно может помочь ему вспомнить всё сразу. Я не знаю. Но в его нынешнем состоянии он не может ни говорить, ни думать. Может быть, это вынудит его выбрать одно из двух-.

Аббат согласился. Когда я подал Дитриху чашу с чаем — теплым, горьким, с острым запахом снотворного растения — он взял её обеими руками и пил медленно, как если бы пил священное вино.

Наступил вечер четвёртого дня. Свет заходящего солнца окрашивал келью в оранжево-красный цвет. Дитрих лежал на спине, его глаза были открыты, но сосредоточены на одной точке на потолке — на трещине в штукатурке, которая, должно быть, казалась ему весьма значимой. Его дыхание было более ровным. Яд мака начинал отпускать его из своих объятий в сторону сна.

-Ты хочешь слушать-, — сказал я, опускаясь на табуретку рядом с кроватью, приготавливая перо и чернила. — -Или хочешь молчать? -

Дитрих долго не отвечал. Потом его губы шевельнулись.

-Я хочу помнить-, — произнёс он с трудом. — -Пока я

помню, я жив. Помни, Герман. Когда я буду говорить, запиши. Даже если это будет казаться безумием. Именно в безумии иногда живёт правда-.

Я кивнул. Подняв перо, я был готов.

Дитрих закрыл глаза.

Рассказ Дитриха. Первая часть.

-Когда я бежал в лес, я думал, что спешу в безопасность. Это была моя первая ошибка. Лес — не убежище. Лес — это западня, которая закрывается за спиной, как пасть животного. Я это знаю теперь.

Я скакал час, может быть, два. Время в лесу течёт иначе. Может быть, это был эффект пути, может быть, это был страх, растягивающий каждый миг в вечность. Конь под мною был напуган — его ноздри раздувались, он дышал как меха кузницы, и пена летела из его пасти. Даже животное чувствовало, что мы убегаем не просто от опасности. Мы убегали от чего-то, что не имело границ.

Сначала я не заметил жжения. Я был слишком сосредоточен на звуках позади — она была позади, я это слышал, её голос следовал за мною сквозь деревья, пробирался сквозь

листву, звучал из самого воздуха.

Но потом... потом я понял, что жжение — это не от раны. Это было иначе.

Это начиналось с лодыжек. Ничего серьёзного, просто лёгкое покалывание, как если бы я наступил на крапиву. Я не обратил на это внимания, потому что вся моя кожа уже горела от ужаса. Но потом это ощущение стало расплзаться вверх, по ногам, по бёдрам. И я понял — нет, не понял, а почувствовал — что это не просто жжение.

Это была боль, которая имела объект.

Я посмотрел вниз. Внутри моих сапог что-то двигалось. Мне показалось, что под кожей шевелились черви. Я спешился с коня — не спешился, а упал с него, потому что мои ноги уже не повиновались полностью. Когда я рухнул на землю, боль стала абсолютной.

Они покрывали мою кожу целиком. Красные муравьи, величиной примерно с мой ноготь, может быть, больше. Их панцирь сверкал в лучах солнца, фильтрующихся сквозь листву. Они были везде — в сапогах, на внутренней стороне ног, под кольчугой, во всех щелях моих доспехов. Они не просто покрывали кожу. Они заполняли мою одежду, мой

панцирь, словно я был полым сосудом, который они избрали своим домом.

Когда я начал срывать кольчугу, боль стала невыносимой. Каждое движение давило муравьёв против моей кожи. Они кусали с яростью. Каждый укус был точным, рассчитанным. Это не было бессмысленной атакой. Они знали, что делали. Они наступали организованно, волнами, будто под командованием генерала.

Я помню — я помню это совершенно ясно, Герман, потому что этот образ остался со мной, он живёт в моей коже по-прежнему — когда я сдирал с себя доспехи, из них вываливалось облако этих существ. Живое облако. Оно парило в воздухе, как дым, но это был не дым. Это была масса, движимая единой волей.

Я кричал. Я кричал так громко, что мой голос разодрал мне горло. Это была животная боль. Боль до языка, до разума, только боль.

И самое ужасное было то, что я понимал её. Я понимал, что муравьи не выбирали цель. Не выбирали, меня как отдельного человека. Они следовали приказу. Он звучал ото всюду — из земли под моими ногами, из деревьев, из самого воздуха, из её голоса.

Её голос становился всё ближе. И я понял, что она не гонится за мною. Она идёт просто. Она уверена. Потому что лес — это не её оружие. Лес — это её тело. А я был чужеродной частицей, которую организм отвергает.

Я прыгнул обратно на коня, раздетый, весь в крови и ожогах. Конь под мною был в панике. Я кренился в седле, не ощущая боли, только горячий пульс ненависти к собственной коже. Почему кожа? Почему именно я? Это было до рациональной мысли — это было животное восстание против факта моего собственного существования.

Я скакал. Дорога, по которой мы пришли пятьюдесятью рыцарями в наступлении, больше не существовала. Вместо неё были только деревья, и болото, и везде её голос. Немужский язык, не-звук, звук, который не слышит ухо, но слышит всё остальное в теле.

Этот язык звучал из коры деревьев. Звучал из болотной воды, которая всё чаще преграждала мне путь. Звучал из земли под копытами моего коня. И я начинал его понимать. Не словами — у этого языка не было слов. У него были команды. Приказы.

`Атакуй его`. Так говорило дерево.

`Сбей его с коня`. Так говорила земля.

`Заполни его лёгкие водой`. Так говорило болото.

И всё это звучало одним голосом. Её голосом.

Я не знаю, сколько времени я ехал. Часы или минуты перестали иметь смысл. Мой конь начал замедляться. Он был уже не молодым, и паника выедала его жизнь. Я чувствовал, как под мною слабело биение его сердца. Я знал, что скоро мне придётся идти пешком.

Но тогда я услышал, что муравьи вернулись.

Они заползали не только снизу, но и падали сверху — с веток, с воздуха, словно весь лес конвертировался в их плоть. И я понял что-то ужасное. Я понял, что они были везде потому, что они были частью плана. Они были её руками. Её ногами. Её жалом.

Я упал. Упал в болото, потому что мой конь, наконец, не выдержал и рухнул, убив себя о пень, скрытый под водой. Он уходил под воду медленно, и я видел его белый глаз, полный ужаса и упрёка. Я оставил его там. Я кучей грязи вываливался из болота, и она всё шла и шла.

Я услышал её дыхание-.

Дитрих замолчал. Его дыхание было глубоким, его грудь поднималась и опускалась с усилием. На лбу выступил пот. Я продолжал писать, ждав, пока он найдёт в себе силы говорить дальше.

Когда я поднял глаза, я заметил, что его ногти вошли в подушку. Он расцарапал её. Пух вылезал сквозь разорванный лён.

-Продолжи, — предложил я мягко. — Если ты можешь-.

Дитрих открыл глаза и посмотрел на меня. В его взгляде была какая-то расчётливость.

-Мне больно помнить-, — сказал он. — -Но мне ещё больнее забыть. Потому что, если я забуду, она полностью овладеет мною. Если я буду помнить, что я был человеком, то я смогу умереть человеком. Записывай, Герман. Пожалуйста, записывай.

Когда я слышу свою историю извне, из твоего голоса, она становится немного меньше. Меньше реальной. Как если бы она была историей, рассказанной о ком-то другом, в другом

времени. Помоги мне. Помоги мне дистанцироваться от себя-.

Рассказ Дитриха. Вторая часть.

-Я вышел из болота на закате, хотя никак не мог понять, как долго я в нём был. Может быть, минуту. Может быть, вечность.

Я был не один. Я видел это только потом, когда начал приходить в себя. Вокруг меня были звёзды в болотной воде. Болотные огни, которые крестьяне называют блудящими огнями. Огни, которые увлекают людей на смерть. Но они не казались мне враждебными. Они казались мне направляющими.

Я встал и начал идти за ними. Где ещё было идти? Лес был кольцом, замкнутой петлёй. И единственный путь вперёд проходил сквозь эти красные фонарики света.

Они танцевали передо мною. Это было единственное слово — танцевали. Они двигались с такой целью, с такой грацией, что я понял — это не случайный огонь. Это живое существо, которое указывало дорогу. И дорога вела к ней.

Когда я, наконец, вышел на полянку — и полянка каза-

лась мне огромной после того, как я провёл часы в лесной темноте — я увидел её. Она стояла спиной ко мне, посередине поля, на берегу озера.

Её тело было молодым и белым, как поднявшееся утром солнце. Никаких доспехов. Никакого оружия. Только чёрные волосы, которые развевались вокруг её спины, как если бы они были водорослями, а она плыла в невидимом течении. Её руки были подняты, и когда я посмотрел туда, куда она смотрела, я увидел озеро. Озеро было полно света. Света, который светил не от неба, а как бы изнутри воды.

И я понял, что она говорила с озером. Её язык шёл волнами — я видел это теперь, потому что стоял достаточно близко. Каждый её звук создавал круги на поверхности воды. Каждый щебет — такой, что волосы встали дыбом — вызывал ответ из глубины.

Я не помню, как я приблизился к ней. Может быть, я не приближался вовсе. Может быть, это я остановился, а она развернулась. Всё было неправильно в порядке времени, в порядке причины и следствия.

Но потом я её видел.

Её глаза были золотистые с вертикальными зрачками, как

у рыси. И в этот момент я понял многое сразу. Я понял, что я смотрю не на человека. Я смотрю на врата. На границу между двумя мирами. Я смотрю на место, где лес встретился с человечеством и попытался заговорить на нашем языке, но так и не смог найти правильных слов.

Её кожа была очень белой, почти люминесцентной в ночном свете. На её лбу были три чёрные точки, расположенные в треугольник. Позже я узнаю, что это знак. Это печать. Это маркировка богиней Деваной.

На её губах была улыбка.

И в этот момент я услышал её голос в моей голове. Не из её горла — из моего собственного сознания, как если бы она уже была внутри меня. Голос не был враждебным. Это был голос, который в бесконечное время задавал мне один вопрос.

Почему?

Почему ты убиваешь мой лес?

Почему ты сжигаешь моих животных?

Почему ты ненавидишь то, что живо?

Почему?

И когда я слышал эти вопросы, я не мог ответить, потому что ответа не было. Никогда не было ответа. Была только традиция. Была только вера, которая говорила, что всё, что не человеческое и не направлено на спасение человеческой души, должно быть уничтожено или подчинено. И я был рыцарем этой веры. Я был её острым мечом.

И только теперь, стоя перед этим существом — существом, которое было боль, была чистотой, была правдой, облачённой в плоть — я понял, насколько я был неправ.

Не потому, что я вдруг поверил в других богов. Нет. Это не было вопросом веры.

Это была вопрос видения. Я видел впервые. Я видел не словами или мыслью, а кожей, костями, кровью.

Она протянула руку. Не для того, чтобы атаковать. Просто протянула.

И когда я взял её руку, я почувствовал, что мешаю два состояния материи. Её кожа была теплой, но это была теплота дерева, которое долго стояло на солнце. Это была древняя теплота. Теплота земли.

Она привлекла меня к озеру, и мы вошли в воду вместе.

В воде я начал видеть. Я начал видеть, как вода помнит каждую рыбу, которая когда-либо плыла в её глубинах. Как каждый камень на дне — это история. Как корни деревьев, которые я не видел выше земли, тянутся под водой и связывают весь лес в одно живое существо.

Я начал понимать. Понимать, но не словами. Понимать телом. Понимать костями.

Это была наихудшая форма пытки. Потому что понимание означало конец-.

Дитрих замолчал окончательно. Его глаза закрылись, и маковое зелье, наконец, забрало его в сон. Перо выпало из его руки. На его щеке была слеза.

Я сидел с ним до полуночи, прежде чем вернуться в свою келью, чтобы переписать его слова до того, как они начнут стираться из моей памяти, как стираются сны с рассветом.

Когда я писал, мои руки тряслись. И я не был уверен — тряслись ли они от страха перед тем, что я записывал, или от некоторого узнавания. От ощущения того, что где-то, глубоко в своей собственной груди, я тоже слышу её голос.

Её золотистые глаза.

Её три чёрные точки.

Но я молчу об этом. Потому что молчание — единственная молитва, которая кажется мне теперь честной.

Глава 16. Архив Деваны

Первая часть. Обнаружение

В подвале храма, под слоем земли в два локтя, нашли глиняный кувшин. Возраст неопределим — может быть, столетия, может быть, тысячелетия. Брат Константин, копавший фундамент для нового хозяйственного помещения, сначала не понял, что это. Глина слиплась, почти не отличалась от земли, но, когда он поднял её, услышал внутри шелест. Берёста. Письмена, прожившие столько времени в темноте, что стали почти ископаемыми.

Аббат велел открыть кувшин осторожно. Это было днём, в его жилище, при четырёх свидетелях — самом аббате, монахе, ответственном за библиотеку, и двух самых грамотных переписчиках. Глиняная поверхность рассыпалась при малейшем прикосновении, превращаясь в красноватую пыль. Запах — терпкий, древний, с примесью чего-то вроде берё-

зовой коры и чего-то, что никто не смог назвать. Воспоминание о лесе, подумал брат Константин, хотя никогда ещё не слышал, чтобы воспоминание имело запах.

Кусок за куском кувшин разломали. Внутри, завёрнутые в высохшую льняную ткань, лежали полоски берёсты, испи-санные славянскими знаками. Письмена были глубокие, вы-резаны, а не нарисованы — значит, они были важны. Значит, они должны были продержаться.

Прочитать их полностью удалось не сразу. Текст был на архаичном диалекте, смешанном с символами, которые не совпадали ни с одной известной письменностью. Но самые опытные монахи-переписчики, те, что занимались перево-дом славянских текстов более двадцати лет, начали распо-знавать отдельные фразы.

— Это хроники-, — сказал монах Матвей, поднимая глаза от берёсты. — -Древние хроники. Но не такие, как мы при-выкли видеть-.

Аббат наклонился. Его лицо было напряжённо, скепич-но, но с примесью того острого, холодного интереса, кото-рый монах видел раньше — когда аббат обнаруживал про-тиворечия в текстах, доказательства ошибок. Очевидно, он готовился либо к подтверждению истины, либо к разоблаче-

нию обмана.

-Что ты видишь? - — спросил аббат.

-Имя-, — ответил монах Матвей. — -Повторяется много раз. Баба. Стрыга. И рядом — имя богини. Девана. Я не уверен в точном прочтении, но... это похоже на религиозный текст. Но не христианский-.

Аббат не ответил. Он медленно вышел из комнаты, оставив монахов с их берёстой, с их древним письмом, с их вопросами. В коридоре его шаги звучали твёрдо, как удары молота.

Вторая часть. Голос архива

На следующий день в библиотеке монастыря началась работа по переписыванию и переводу фрагментов. Монах Матвей сидел за столом, перед ним разложены берестяные полосы, прижатые камешками, чтобы не скручивались. Рядом — чистый пергамент, чернила, песок для посыпания. Его пальцы дрожали. Не от страха, а от чего-то другого — от того острого ощущения, которое приходит, когда понимаешь, что касаешься чего-то истинного, давно забытого, но всё ещё живого где-то под слоями земли и времени.

Один из фрагментов был особенно хорошо сохранён. Монах начал его переписывать:

-Баба Стрыга есть хранительница Немуштого языка, переданного ей богиней Деваной в час, когда первые боги учили зверей и птиц жить в согласии с лесом-.

Монах Матвей поднял глаза и посмотрел на стену библиотеки. На полках там стояли тысячи книг — христианские, еврейские, греческие, арабские. Каждая была звеном в цепи человеческого знания, но все они предполагали одно: человек — центр, человек — вершина творения, человек — высшее существо в иерархии. А этот текст, написанный на берёсте тысячу лет назад, говорил о чём-то совсем другом. О том, что язык природы — это язык равноправный. Что боги учили животных так же, как учили людей.

Брат Лазарь, библиотекарь, прошёл мимо и остановился. Он был старым, очень старым, с белыми бровями, которые выросли так длинные, что немного закрывали ему глаза.

-Что там, Матвей? - — спросил он, останавливаясь рядом.

Монах Матвей показал ему берёсту. Лазарь долго смотрел, потом произнёс:

-Она не рождается, не умирает, а сменяется. Каждый век выбирает богиня Девана новую деву из рода Лужичан — чистую сердцем, сильную волей, способную слышать мысли животных-.

Его голос был странный — не его собственный, а какой-то парящий над текстом, как если бы слова сами себя произносили.

-Откуда ты знаешь? - — спросил Матвей.

Лазарь улыбнулся. Улыбка была грустная, знающая:

-Моя мать была из Лужицы. Она рассказывала мне эти истории, когда я был мальчиком. Я забыл их язык, забыл её голос, но не забыл... смысл. Помню, как она пела. На языке, который я никогда больше не слышал. И я помню, как я понимал эту песню. Хотя я не знал слов-.

Он прошёл дальше, оставляя Матвея с его вопросами. Но что-то в его словах осталось — как остаются следы на земле, которую топчут ногами.

Третья часть. Логика врага

Переводить дальше оказалось сложнее. Часть текста бы-

ла повреждена — древесные корни прошли через берёсту, оставляя разрывы, заполненные грязью. Но смысл проступал сквозь эти разломы, как сквозь щели видно пламя.

-Когда приходит враг и поднимает меч против Рода, Баба Стрыга встаёт-.

Монах Матвей, переписывая эти слова, подумал о рыцаре Дитрихе. О тех записях брата Германа, которые хранились в архиве монастыря и которые он сам видел — пожелтевшие, исписанные дрожащей рукой. Там была история о том, как враг вошёл в священный лес с оружием. Как женщина встала против него. Как лес ожил. И как враг вышел из леса уже не врагом, а чем-то совсем другим.

Это не могло быть совпадением. Не могло быть простым совпадением того, что текст, найденный под фундаментом храма, рассказывал о самой Бабе Стрыге, о самой богине Деване, о самом древнем языке — и всё это в контексте приходящего врага.

Матвей продолжал переписывать:

-Враг видит в ней просто женщину — и это его первая ошибка. Вторая ошибка — думать, что убить её можно мечом-.

Слова были написаны просто, без украшений, но в них была горькая мудрость. Здесь не было гордости, не было самовлюбленности. Здесь была констатация факта, основанная на долгом опыте. На столетиях столкновений, которые оканчивались всегда одинаково: враг входил, враг проигрывал, враг либо умирал, либо уходил, но не выигрывал. Никогда. Потому что сражался он с законом природы, в чём он не признавался себе. Думал, что сражается с женщиной, с магией, с демонией. Но сражался с законом самого существования.

Монах услышал стук в дверь библиотеки. Это был послушник, совсем мальчик, лет четырнадцати, с красным от мороза лицом.

-Монах Матвей, — сказал он, дыша после бега, — аббат зовёт тебя. Срочно. В его жилище-.

Четвёртая часть. Встреча с властью

Кабинет аббата был большой комнатой с одним маленьким окном, из которого была видна часть монастырского двора. На столе лежали книги, на полу — свёрнутые в трубки свитки. Здесь царил порядок, но не безжизненный, а живой — порядок, который создаётся постоянным трудом, постоянной переработкой информации, постоянным приняти-

ем решений.

Аббат сидел у окна, спиной к Матвею. Когда монах вошёл и поклонился, аббат не повернулся. Он долго молчал, смотря в окно, как если бы ждал, что что-то там произойдёт. Снег падал медленно, густо, в виде редких, больших хлопьев, которые плавилась, едва касаясь земли.

-Что ты скажешь, брат Матвей, — спросил наконец аббат, — о человеке, который верит, что может разговаривать с животными? -

Матвей не ответил сразу. Он понимал, что это не простой вопрос. Это был тест.

-Зависит от того, — ответил он осторожно, — что понимать под словом -разговаривать-. Если имеется в виду обмен словами, то это невозможно, потому что животные не имеют членораздельной речи. Но если понимать это как понимание намерений, желаний, эмоций животного — то это возможно. Охотник, который долго живёт в лесу, может научиться читать поведение зверя так, как будто тот говорит с ним-.

Аббат повернулся. Его лицо было спокойное, но в глазах — острое внимание.

-А что, если не охотник, но посвящённая? Что, если это не природное умение, а духовный дар? Что, если это — разговор с самой природой, через её проводника? -

-Тогда это будет либо чудом, — ответил Матвей, — либо магией. И чудо, и магия одинаково невозможны с точки зрения разума-.

-Но они случаются-, — сказал аббат. — -Или, по крайней мере, люди верят, что случаются. Что ты думаешь о рыцаре Дитрихе? О его рассказе о женщине в лесу? -

Матвей помолчал. Он знал о Дитрихе, конечно. Все знали. Человек, который пришёл в монастырь полусумасшедший, исцелился, исповедался и ушёл, неся весть о том, что природа живая, что животные разумны, что существует язык, который понимает вся природа.

-Я думаю, — сказал Матвей, — что он видел что-то настоящее. Может быть, не так, как он это описывал. Может быть, его разум переработал увиденное через фильтр страха. Но основание было реальным-.

Аббат встал и прошёлся по комнате. Его ряса шелестела. Когда он говорил, его голос был низким, почти интимным, как если бы он исповедовался не монаху, а самому себе:

— Вот уже год я получаю письма. Из разных мест. Из Берлина, из Кракова, из Новгорода. Все они говорят об одном: люди, которые встречались с Дитрихом, слышали его рассказы, что-то в них поменялось. Они смотрят на природу другими глазами. Они видят разумность где-то её не видели раньше. И это... это беспокоит Ватикан. Это беспокоит князей. Потому что если люди начнут видеть в животных разумные существа, если люди начнут верить, что лес — это живой организм, это изменит то, как они будут вести войны, как они будут вырубать леса, как они будут относиться к язычеству.

-А вы хотите этого, отец аббат? - — спросил Матвей.

Аббат улыбнулся грустно:

-Я хочу узнать правду. И эти берестяные хроники — они могут быть правдой. Или они могут быть фальшивкой, созданной давно умершим монахом, который сомневался в своей вере. Ты должен узнать, что это. И ты должен узнать, была ли у нас возможность это узнать раньше. Потому что если это подлинно, то вопрос встаёт перед нами очень острый: что мы сделали? Как мы относились к природе, зная, что она может быть живой, разумной? Как мы жили, не слушая её голоса? -

Пятая часть. Текст и его молчание

В течение следующих трёх недель Матвей занимался только переводом. Остальные его обязанности взяли на себя другие монахи. Он сидел в библиотеке с поломанными берестяными полосками перед собой, с увеличительным стеклом, с острой палочкой, которую использовал для указания на отдельные буквы.

Текст был фрагментарным. Большая часть была утеряна. Но оставшиеся куски складывались в картину, которая была одновременно ясной и глубокой, как хорошо вырытый колодец. Можно видеть воду на дне, можно видеть её отражение неба, но всё это находится внизу, в полумраке, вне прямого достижения.

Одна часть текста была особенно интересна. В ней говорилось о том, что Баба Стрыга — не единственное существо, имеющее связь с природой. Существуют сотни таких существ, десятки тысяч, может быть, миллионы. Каждое дерево может иметь дух. Каждый камень может помнить. Каждый ручей может думать.

-Баба Стрыга не воин. Она — [далее идёт поломка] границей двух миров-

Матвей прочитал эту фразу много раз. Граница. Не защитница, не воительница, не жрица. А граница. Место, где встречаются две реальности, две логики, два языка.

-Слова её — закон для четырёхлапых, двукрылых и корневых-.

Это было интересное разделение. Не просто животные. Четырёхлапые — звери. Двукрылые — птицы. Но корневые — это нечто третье, совсем не живое в привычном смысле. Деревья. Растения. Они названы наравне с животными. Они наделены способностью слышать, понимать, подчиняться закону её слов.

-Враг, вступивший в её лес, становится чужеродным телом, которое организм отторгает-.

Язык был очень научный, очень рациональный. Это была не сказка о магии, а описание естественного процесса. Тело отторгает чужеродное. Иммунная система активизируется. Природа защищается, как защищается любой живой организм от инвазии.

Но потом текст говорит:

-Пчёлы жалят в глаза, земля вздыбливается под ногами,

волки видят в нём не человека, а добычу-.

Здесь были конкретные примеры. Осязаемые, визуальные, грозные. Земля поднимается. Животные видят врага. Природа не абстрактна, она конкретна. Она действует через механизмы, которые понимает человек. Но направляется эта механика чем-то единым, чем-то связанным, чем-то, что Баба Стрыга может контролировать или, по крайней мере, направлять.

Вот где Матвей остановился. Где его понимание прервалось. Как это возможно? Как одна женщина может контролировать миллионы существ? Как голос может распространяться так быстро? Как воля может быть исполнена столь координированно?

Монах Матвей поднял глаза и посмотрел на свою работу. На пергаменте перед ним лежал переписанный фрагмент. Его собственный почерк, его собственные руки переносили слова древности в настоящее. И чем дольше он писал, чем дольше он думал над этими словами, тем более реальными они казались ему. Не как легенда, не как сказка, а как свидетельство. Как отчёт очевидца. Как то, что человек видел и запомнил.

Шестая часть. Теория границы

Несколько дней спустя Матвей попросил встречу с монахом Лазарем. Они встретились в саду монастыря, в месте, где росли травы для медицины и приправ. Была середина дня, и солнце было высоко, хотя в январе оно давало мало тепла.

-Ты сказал, что твоя мать была из Лужицы-, — начал Матвей. — -Что ты помнишь о её рассказах? О Бабе Стрыге?-

Лазарь сидел на деревянной лавке, его худые пальцы переплетались. Он был очень старым, и холод, кажется, ему было всё равно. Или, может быть, холод и тепло уже не имели для него особого значения.

-Я помню, — сказал Лазарь, — что моя мать говорила: Баба Стрыга — это не человек и не демон. Это граница. Место, где лес кончается и начинается другой мир. Место, где можно перейти из одного в другой, если знаешь, как и если лес тебя позволит-.

-Но как одна женщина может быть границей? Граница — это место, а не человек-.

Лазарь улыбнулся своей грустной, зная улыбкой:

-Ты думаешь, как христианин, Матвей. Ты привык к раз-

делениям. Бог — это не ангел, ангел — это не демон. Человек — это не животное. Дух — это не материя. Ты просишь граблей, но граница не может быть ни местом, ни человеком, потому что у тебя есть определённое понимание того, что такое место и что такое человек.

Но в языческой философии вещи могут быть несколькими вещами одновременно. Баба Стрыга может быть человеком и границей. Она может быть женщиной и лесом. Она может быть физической и духовной сущностью в одно и то же время. Не потому, что это невозможно логически, а потому, что логика её мира устроена иначе, чем логика нашего мира-.

Матвей молчал. Он пытался охватить умом то, что говорил Лазарь, но это было как пытаться удержать воду в открытой ладони. Концепция скользила, трансформировалась, не давала себя схватить.

-Когда я был маленький, — продолжал Лазарь, — я спросил свою мать: -Где живёт Баба Стрыга?- И она ответила: -Везде, где есть лес. И нигде, потому что она не рождается в одном месте и не умирает в одном месте. Она выбирается. Выбирается богиней Деваной-.

Я не понял, что она имеет в виду. Я был ребёнком. Но

сейчас, когда я стар, я начинаю понимать. Каждый век — это означает примерно сто лет. Примерно столько, сколько живёт человеческое поколение. И в каждом веке богиня выбирает новую деву. Убирает сознание старой Бабы Стрыги и вселяет сознание новой. Тело может быть молодым или старым, но сознание — сознание вечное. Память вечная. Знание вечное.

Это означает, что Баба Стрыга может быть молодой девушкой, но помнить все войны, которые велись столетия назад. Она может быть человеком в теле, но думать, как лес, как коллективный организм, как биосистема-.

— Это означает, что она не одна, — медленно произнёс Матвей. — Что она — множество. Что она как сеть. Как грибница под землёй, которая соединяет все корни деревьев-.

-Именно, — ответил Лазарь. — И когда враг входит в лес с мечом, граница ощущает это вторжение во всех её частях одновременно. Потому что граница едина. И она реагирует как единое целое. Не потому, что команды приходят откуда-то, а потому, что вторжение ощущается везде одновременно. Как боль в пальце чувствует мозг, хотя мозг находится в голове, далеко от пальца-.

Седьмая часть. Вопрос о возможности убийства

Последний фрагмент текста был самым поврежденным и самым важным. Матвей потратил неделю, чтобы разобрать его полностью. Слова были выцарапаны с особой силой, с глубокими бороздами, как будто писавший силился передать всю важность информации в самую глубину букв.

-Много героев пытались схватить или убить Бабу Стрыгу. [Текст искажён]... ни один не преуспел. Потому что убить можно только то, что живёт в одном месте в один момент времени. Баба Стрыга же разлита по всему лесу. Она — в корне дуба, в полёте ворона, в спине волка. Её убить нельзя. Её можно только... [текст обрывается]-

Когда Матвей прочитал это вслух аббату, в кабинете была долгая тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.